

Лев Степанович Игорев, академик живописи Императорской Академии художеств. Портрет майора Николая Александровича Кулябко, полицейского пристава 4-го участка Петербургской части города Санкт-Петербурга. 1874 г. Частное собрание.

Светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте «В память Восточной войны 1853–1856».

Восточной войны 1853–1856»¹. Медаль получал тот, кто находился в районе боевых действий во время войны, но не воевал против неприятеля с оружием в руках. Участники боёв награждались светло-бронзовой медалью на Георгиевской ленте, эта медаль считалась выше предыдущей и ценилась дороже. Медаль на Андреевской ленте выдавалась всем,

кто был награждён серебряной медалью «За защиту Севастополя». На портрете генерала Александра Семёновича Ковалевского, принимавшего участие в боях во время Крымской войны, мы видим две медали: одну серебряную на Георгиевской ленте «За защиту Севастополя», другую на Андреевской ленте «В память Восточной войны 1853–1856»². У неизвестного офицера имелась лишь одна медаль. И всё. Никаких орденов или иных знаков отличия не было. Даже заурядного ордена св. Станислава 3-й степени, которым был награждён никчёмный чиновник — персонаж картины Павла Андреевича Федотова «Свежий кавалер». И это выглядело странным: портретируемому было не менее

ЖИВОПИСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Семён ЭКШТУТ,
доктор философских наук

МУНДИР! ОДИН МУНДИР! ...РАСШИТЫЙ И КРАСИВЫЙ

УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Мне предстояло решить уравнение с тремя неизвестными. На овальном портрете, который я держал в руках и внимательно рассматривал, был изображён неизвестный офицер в русском военном мундире. Портрет принадлежал кисти академика живописи Льва Степановича Игорева (1822–1893/1894), был подписан художником и датирован 1874 годом. Но я не знал ни фамилии офицера,

ни рода войск, к которому он принадлежал, ни его наград.

Последнее неизвестное казалось самым удивительным. На груди офицера одиноко возлежала светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте. И хотя автор портрета не стал подробно прорисовывать аверс (лицевую сторону) медали, я без труда определил эту награду, учреждённую в 1856 году в ознаменование окончания Крымской войны и по случаю коронации Александра II. Офицер был награждён светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память

Великий князь Алексей Александрович. ГАРФ.

сорока лет, на его породистом лице отчётливо просматривался второй подбородок, молодость уже прошла, а для славы или известности ещё ничего не было сделано. Во всяком случае, на груди офицера не было никаких наружных атрибутов признания его заслуг перед царём и отечеством — ни орденов, ни знаков отличия.

*Что ж? — Быть может, сатаны
Он бежал приманок;
Звёзды, ленты и чины
Презрел спозаранок?*³

На этот риторический вопрос, некогда сформулированный Денисом Давыдовым, я ответил отрицательно. Неизвестный офицер был явно старше «Свежего кавалера» и, казалось, подобно этому знаменитому персонажу давно уже должен был выслужить свой первый крестик. И, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие иных наград, кроме одинокой медали, он украсил свой мундир продетой в мундирную петлю массивной золотой цепочкой, к которой был прикреплен прямоугольный золотой брелок — либо футляр для хранения ключей, предназначенных для завода носимых на этой цепочке карманных часов, либо ладанка или медальон. Важно не функциональное назначение брелока. Существенно другое. Этот золотой брелок издали можно было принять за знак отличия. И я вспомнил героя рассказа Чехова «Лев и Солнце» городского голову Степана Ивановича Куцына. «Куцын имел две медали, Станислава 3-й степени, знак Красного Креста и знак «Общества спасания на водах», и кроме того он сделал себе ещё брелок (золотое ружьё и гитара, которые перекрещивались), и этот брелок, продетый в мундирную петлю, похож был издали на что-то особенное и прекрасно сходил за знак отличия. Известно же, что чем больше имеешь орденов и медалей, тем больше их хочется, — и городской голова давно уже желал получить персидский орден Льва и Солнца, желал страстно, безумно»⁴. Итак, даже у этого литературного героя было больше знаков отличия, чем у неизвестного офицера.

Однако офицер, судя по его портрету, не только не унывал по данному поводу, но и был весьма доволен своим положением. Иначе зачем бы он стал заказывать художнику собственный портрет в парадном мундире, украшенном одной-единственной медалью?!

Живописец мастерски передал холёное лицо офицера, его умные и проницательные глаза, непреклонное спокойствие, которое нельзя сыграть и которое бывает лишь у людей, внутренне убеждённых в правильности собственной жизни, у самодостаточных людей, уверенных, что их жизнь удалась, и желающих продемонстрировать свою убеждённость окружающим. Это было по-

родистое лицо вельможи, а не самодовольное лицо парвеню — выскочки, упоённого сознанием собственной значимости. Его причёска и ухоженные бакенбарды напомнили мне великого князя Алексея Александровича — любителя красивых вещей и образца красоты, изящества и элегантности в Доме Романовых. Офицер явно подражал великому князю, даже стилизовал себя под августейшую особу. Стилизация была столь убедительной, что в какой-то момент я даже подумал о том, не является ли неизвестный внебрачным сыном одного из Романовых.

Офицер позиционировал себя как человека, принадлежавшего к хорошему обществу, но делал это несколько нарочито. У него не было той очаровательной небрежности в туалете, без которой трудно представить себе светского человека, зато была искусно замаскированная озабоченность тем, как воспримут и оценят его окружающие. Судя по всему, он не принадлежал к знатным и богатым представителям высшего света, но хотел произвести впечатление человека их круга. «Высшее общество тогда состояло, да, я думаю, всегда и везде состоит из четырёх сортов людей: из 1) людей богатых и придворных; из 2) небогатых людей, но родившихся и выросших при дворе; 3) из богатых людей, подделывающихся к придворным, и 4) из небогатых и непридворных людей, подделывающихся к первым и вторым»⁵. Неизвестный «подделывался». Светский человек никогда не украсил бы свой мундир такой массивной золотой цепочкой, счёл бы это вульгарной демонстрацией достатка, простительной купцу-толстосуму, но не человеку света. Офицер явно переусердствовал, демонстрируя свою успешность, «что само по себе противоречило неписанным нормам хорошего тона и было vulgar»⁶.

Щеголеватый мундир сидел на офицере как влитой. Так мог пошить лишь искусный столичный портной, привыкший обшивать офицеров лейб-гвардии. В провинции так шить не умели. Вспомним «Героя нашего времени». «Они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покров сюртука ввёл их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись»⁷. Армейские эполеты пехотного образца имели цветное поле и цветной корешок, что тотчас отличало армейского офицера от офицера лейб-гвардии. Поле и корешок таких же гвардейских эполет целиком были золотыми или серебряными — в зависимости от цвета приборного металла, присвоенного тому или иному гвардейскому полку. При виде этого неизвестного офицера степные помещики из романа Лермонтова вряд ли стали бы отворачиваться. Всё качественное, дорогостоящее и очень достойное. Серебряный узор шитья на воротнике мундира и великолепные серебря-

ные эполеты пехотного образца, явно приобретённые в дорогом столичном магазине офицерских вещей, не могли принадлежать армейцу. Неизвестный офицер не мог служить в армейской пехоте. Поле и корешок его эполет были из серебра.

Эполеты портретируемого офицера имели тонкую серебряную бахрому, свидетельствующую о его штаб-офицерском достоинстве, а две золотые звёздочки позволяли точно определить чин. Перед нами был майор. Бахрома дорогих эполет, изготовленная из очень качественной серебряной канители, была столь густой и роскошной, что эти штаб-офицерские эполеты можно было ошибочно принять за генеральские, на что, вероятно, и рассчитывал их обладатель.

Итак, перед нами был майор. Ни в гвардии, ни в Генеральном штабе, ни в специальных войсках (артиллерии и инженерных) чина майора в 1874 году не было. Серебряное шитьё воротника чем-то напоминало шитьё офицеров Генерального штаба, но у портретируемого офицера не было «учёного» серебряного аксельбанта, присвоенного всем офицерам Генерального штаба. Майорский чин и отсутствие аксельбанта — любого из этих условий было достаточно, чтобы сразу же избавить меня от соблазна причислить неизвестного офицера к генштабистам. И я не стал подгонять решение задачи под желаемый ответ. Среди офицеров Морского министерства были майоры из числа военных чиновников, состоящих по Адмиралтейству, а также офицеров корпуса флотских штурманов или офицеров ластовых рот, однако узор их мундирного шитья не имел ничего общего с изображённым на портрете. В самый раз было воскликнуть вместе с резонёрствующим Чацким:

*Мундир! один мундир! он в прежнем
их быту
Когда-то укрывал, расшитый
и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету...⁸*

Кому же принадлежал этот «расшитый и красивый» мундир? Его обладатель не был армейским пехотинцем или армейским кавалеристом, не служил в Генеральном штабе или специальных войсках, не принадлежал к чинам лейб-гвардии и не имел никакого отношения к Морскому министерству. И при всех этих разнообразных «не» на неизвестном офицере был однобортный русский военный мундир, в 1872 году пришедший на смену мундиру двубортному.

Ответ оказался неожиданным. В 1867-м серебряное шитьё, которое запечатлел художник Игорев на портрете неизвестного майора, было присвоено полицмейстеру, начальнику полицейского резерва и 38 участковым приставам Санкт-Петербургской по-

лиции⁹. Указ подписал Александр II, однако шитьё было выполнено по рисунку, некогда утверждённому ещё Александром I. Вот почему мундирное шитьё офицеров столичной полиции имело несомненное стилистическое единство с шитьём офицеров Генерального штаба: и то и другое было осуществлено по рисункам самого Александра I. И так, ещё одно неизвестное было найдено. Я получил точку опоры для дальнейших изысканий. В пору было задуматься над логикой последующих исследований. Неизвестный майор служил в столичной полиции и, скорее всего, был одним из участковых приставов, ибо петербургские полицмейстеры имели чин полковника. Не был он и рядовым офицером полиции (например, помощником пристава), так как полицейские офицеры, состоявшие в военных чинах и продолжавшие числиться по армейской кавалерии или пехоте, имели иное мундирное шитьё — более скромное и традиционное, отличное от запечатлённого на портрете. Но как узнать фамилии всех майоров, служивших в 1874 году в рядах столичной полиции?

Я обратился к «Справочной книжке Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции». Это официальное ежемесячное издание позволило с исчерпывающей полнотой ответить на поставленный вопрос. В «Справочной книжке» указывались фамилии, имена и отчества и чины всех военных и гражданских чиновников столичной полиции. Сообщались, с какого момента состоит в должности тот или иной чиновник и когда именно он получил свой чин. Оставалось лишь просмотреть годовой комплект «Справочной книжки» за 1874 год и выписать из неё фамилии всех майоров. К сожалению, ничего не говорилось об имеющихся у них знаках отличия, что существенно усложнило решение задачи по идентификации неизвестного офицера. Чтобы получить представление о знаках отличия, надлежало обратиться к другому официальному справочнику — «Спискам штаб-офицерам по старшинству».

ПЕРВЫЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК

Вся столичная полиция подчинялась Санкт-Петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту и генерал-лейтенанту Фёдору Фёдоровичу Трепову. «Полиция в столице составляла целую иерархическую лестницу, во главе которой стоял градоначальник. Далее следовали (в каждой части) — полицмейстер, пристав, помощники пристава, околоточные, квартальные и постовые городские. В обязанности домовладельцев, старших дворников и швейцаров входило содействие полиции в выявлении и пресе-

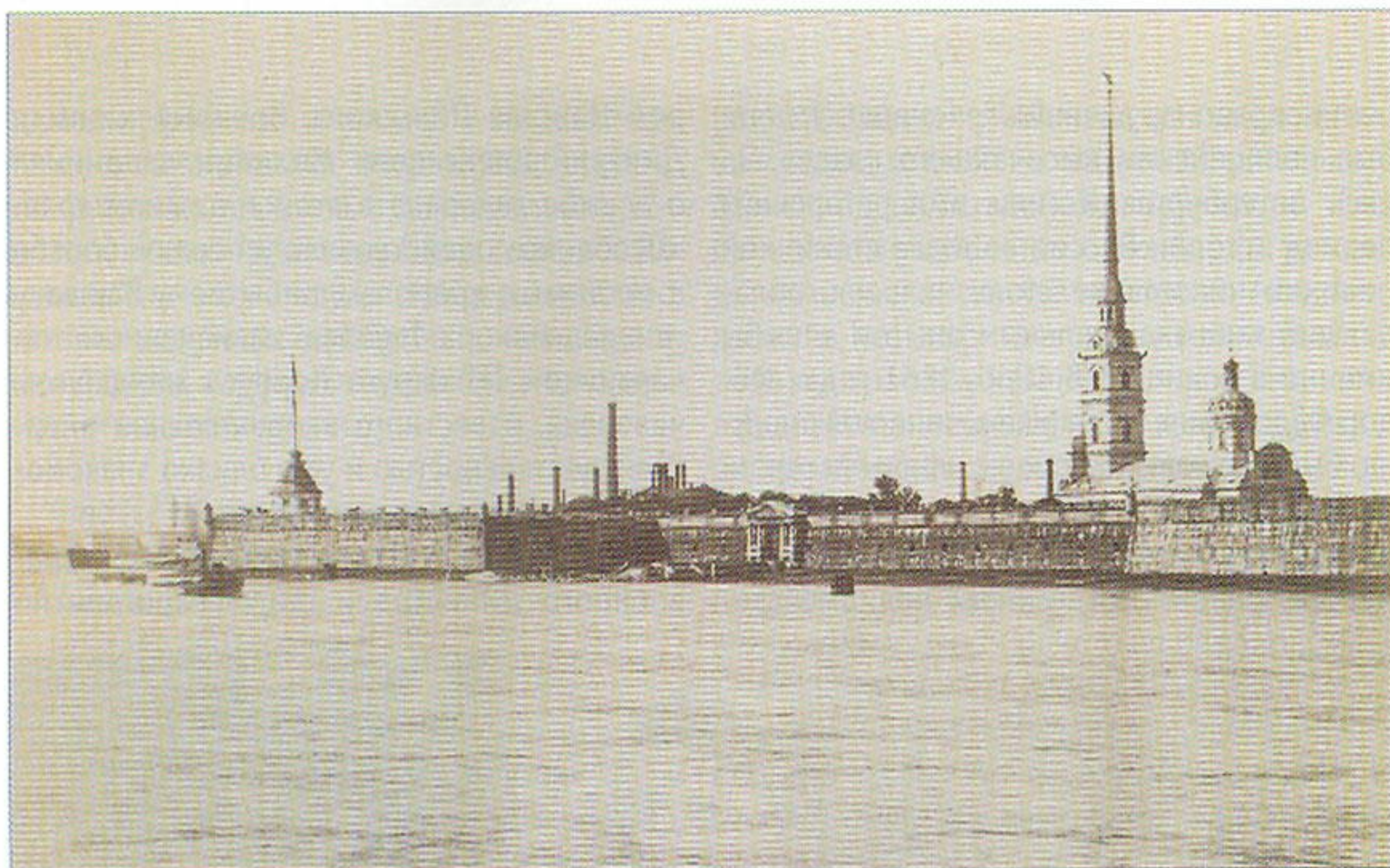
чении правонарушений»¹⁰. Генерал Трепов был полицейским высочайшего класса. За весь петербургский (или императорский) период истории России во главе столичной полиции никогда не стоял человек, обладавший таким уникальным опытом службы именно в полиции. В 1860–1861 годах Фёдор Фёдорович, тогда ещё в чине полковника, был варшавским обер-полицеймейстером, где прекрасно себя проявил и пошёл на повышение. В 1863–1865 годах генерал-майор Трепов был генерал-полицейсте-

ром Царства Польского. Военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин вспоминал о службе генерала в этом мятежном крае. «Особенно содействовало успешной борьбе с остатками крамолы прибытие в Варшаву генерал-майора Трепова, назначенного начальником III округа Корпуса жандармов, человека, известного замечательной энергией, деятельностью и уже близко знакомого с местными условиями края»¹¹.

Николай Алексеевич Милютин, брат военного министра и статс-секретарь по

Ф. Ф. Трепов. ГАРФ.

Санкт-Петербург пореформенной эпохи.

делам Царства Польского, из всех лиц коронной администрации в Варшаве одного лишь Трепова находил человеком полезным и дельным. «Без него была бы безалаберность полная»¹². Мятежники его ненавидели и приговорили к смерти. «С самого приезда своего в Варшаву он уже был обречён на смерть подпольным Жондом; несмотря на то, он продолжал ездить по городу один, без конвоя и каждое утро имел обыкновение ходить пешком с дочерью из Брюлевского дворца в православный собор молиться за упокой души недавно скончавшейся супруги. 21 октября [1863 года] в 9 часов утра пятеро негодяев подстерегли его в Сенаторской улице, один из них бросился на Трепова с намерением нанести удар топором по голове. К счастью, топор скользнул и только задел немного ухо. Трепов, обернувшись, схватил злодея за ворот, вырвал из его рук топор и нанёс ему три раны. Проходившие в это время офицер и писарь помогли Трепову задержать злодея; другие сообщники последнего убежали, побросав свои кинжалы; но один из них также был вскоре арестован. Все они оказались ремесленниками, завербованными подпольным Жондом. Оба захваченные были по приговору суда повешены 31 октября на Театральной площади, близ самого места происшествия»¹³.

Рубль времён Александра II.
Серебро.

После неудачного покушения Дмитрия Каракозова генерал Трепов — «человек с характером и энергией»¹⁴ — был вызван в Санкт-Петербург и назначен на пост обер-полицмейстера. Ему установили беспрецедентно высокое жалование — 18 033 рубля 70 копеек в год, которое складывалось из 16 033 рублей 70 копеек денежного содержания и 2000 рублей ежегодной аренды. В то время даже военный министр генерал-адъютант Милютин получал меньше — 15 000 тысяч рублей в год (12 000 рублей содержания и 3000 рублей аренды). Именно Трепов провёл реформу столичной полиции и заметно обновил её офицерский корпус за счёт привлечения энергичных войсковых офицеров, большинство которых он знал лично по предыдущей службе. Дмитрий Милютин высоко оценил умение Трепова разбираться в людях. Генерал ещё в бытность свою в Царстве Польском, сосредотачивая местную власть в од-

них руках и добиваясь единства и энергии в распоряжениях, смело выдвигал на административные посты молодых офицеров: «большой частью они оказались людьми дельными и благонамеренными»¹⁵.

Доселе служба в полиции не пользовалась уважением ни в глазах власти, ни в глазах городских обывателей. Считалось, что сюда идут служить исключительно ради наживы. Даже официальный историк столичной полиции был вынужден признать, что «люди, имеющие средства к жизни, в должность пристава или надзирателя не шли, а люди, лишённые собственных способов существования, принимая подобную должность, вынуждены были искать в ней других доходов, кроме жалованья»¹⁶. Вот почему в полиции было

так много, с одной стороны, заслуженных и увечных штаб- и обер-офицеров, а с другой — офицеров, про штрафованных и выгнанных из полков за предосудительные поступки. И те, и другие шли сюда ради «безгрешных доходов». Справедливости ради надо сказать, что жалование офицеров полиции до прихода туда Трепова было очень низким и не обеспечивало офицерам и их семьям даже минимальный прожиточный уровень в таком дорогом городе, как Санкт-Петербург.

Фёдору Трепову удалось переломить эту ситуацию. 27 июня 1867 года Александр II утвердил новый штат столичной полиции. В том же году, как мы помним, полицмейстер, начальник полицейского резерва и участковые приставы получили весьма эффектное серебряное шитьё на воротник и обшлага мундира. Мундир участкового пристава стал не менее элегантным, чем мундир гвардейца. «Пристава — это уже полубоги; вид у них, по меньшей мере,

фельдмаршалский, а апломба, красоты в жестах!..»¹⁷ — писал Сергей Рудольфович Минцлов, оставивший интересные воспоминания о Петербурге начала минувшего столетия. На содержании полиции стали выделять 910 439 рублей в год, из которых лишь 150 тысяч ассигновывало Государственное казначейство, а остальные деньги давал город. Должность участкового пристава была отнесена к VII классу Табели о рангах. Это означало, что беспорочно служивший пристав мог дослужиться до чина подполковника и уйти в отставку полковником. Ежегодно 20 процентов личного состава офицеров полиции могли быть представлены к награждению чинами или орденами. Иными словами, каждый офицер раз в пять лет мог быть награждён либо

чином, либо орденом. Торжествовал прагматизм. Офицеры полиции предпочитали за отличие по службе получить очередную звёздочку на эполеты (а с ней и прибавку к жалованью), а не орден. Более высокий чин позволял претендовать на более высокую должность, с которой было сопряжено соответствующее жалованье. Вот почему среди участковых приставов, состоявших в солидных штаб-офицерских чинах, было несколько человек, так и не получивших ни одного ордена. Неизвестный офицер принадлежал к их числу. Приставу полагалось годовое жалованье 1400 рублей и 700 рублей столовых. Это были очень достойные деньги (2100 рублей серебром в год), а ведь приставу полагалась ещё и бесплатная казённая квартира на территории его участка. Должность помощника пристава была отнесена к VIII классу Табели о рангах, и помощник в чине майора получал 1200 рублей серебром в год. Армейским офицерам такие деньги и не снились. И так,

благодаря попечению генерала Трепова, жалованье офицеров полиции было увеличено в несколько раз, не забыли и о рядовых полицейских.

После 1866 года, когда Фёдор Фёдорович стал столичным обер-полицеймейстером, в городской полиции появилось много новых лиц. Это был самый настоящий «треповский призыв» — войсковые офицеры в обер-офицерских чинах, каждый из которых прослужил в строю не менее шести лет. Так, например, Людомир Карлович Бирон, потомок знатного курляндского рода, один из участковых приставов, получивших в 1874 году чин майора, до перехода в полицию в течение трёх лет и шести месяцев командовал ротой. Бирон участвовал в кампании 1863–1864 годов по подавлению мятежа в Царстве Польском, в 1867 году был награждён орденом св. Станислава 3-й степени, а в 1874-м получил уже упоминавшийся выше персидский орден Льва и Солнца. Людомир Карлович про-

служит в Санкт-Петербургской полиции 14 лет, 22 августа 1882 года станет начальником полицейского резерва, а 11 октября 1884-го — полицмейстером¹⁸. Далее он дослужится до чина генерал-лейтенанта и в 1910 году упокоится на Волковском лютеранском кладбище.

К числу треповских выдвиженцев принадлежал и хорошо всем известный по детективам и сериалам «гений русского сыска» Иван Дмитриевич Путилин. Трепова не смутили ни имевшийся в тот момент у Путилина скромный чин титулярного советника (IX класс Табели о рангах, соответствовал армейскому капитану), ни молодость чиновника. 31 декабря 1866 года столичный обер-полицеймейстер назначил 33-летнего Ивана Дмитриевича начальником сыскальной полиции Санкт-Петербурга (сначала — временно исполняющим обязанности, а через восемь месяцев утвердил в должности). Уже 6 декабря 1874 года, спустя всего-навсего восемь лет, Путилину был пожалован чин действительного статского советника (IV класс Табели о рангах, соответствовал чину генерал-майора). «Начальник петербургской сыскальной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов», — гласит авторитетное свидетельство Анатолия Фёдоровича Кони.

Три рубля времён Александра II. Золото.

О БЕДНОМ МАЙОРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

В 1874 году, когда был написан портрет, в штате столичной полиции значилось свыше 30 майоров. Этот год был исключительно «урожайным» для офицеров полиции: в течение года наблюдалось их заметное продвижение по лестнице чинов. Четыре майора стали подполковниками, а несколько капитанов и ротмистров были произведены в майоры. В процессе идентификации персонажа портрета мной по официальным «Спискам штаб-офицерам по старшинству» было проверено 35 офицеров столичной полиции. Проверялись не только те, кто уже имел майорский чин в 1874 году или получил его в течение этого года, но и все майоры, которые в течение этого времени были произведены в подполковники¹⁹. В результате проверки были отвергнуты офицеры, награждённые по состоянию на 1874-й год российскими или иностранными орденами. В итоге была выделена подгруппа из шести майоров, не имевших никаких орденов. Затем были отведены три майора, хотя и служившие в полиции, но не занимавшие штатные должности участков приставов (им было присвоено иное шитьё на воротнике и обшлагах). После этого была проведена проверка формулярных списков, которая позволила решить уравнение с тремя неизвестными и установить имя офицера, награждённого светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память Восточной войны 1853–1856».

Им оказался дворянин Полтавской губернии Николай Александрович Кулябко, 1831 года рождения. Его формулярный список²⁰ гласит, что 15 августа 1842 года Кулябко поступил в Петровский Полтавский кадетский корпус, из которого 10 августа 1850 года был переведён в Дворянский полк. (В 1855 году, в память первого шефа, цесаревича Константина Павловича, Дворянский полк был переименован в Константиновский кадетский корпус, а в 1859 году преобразован в Константиновское военное училище). В то время провинциальные кадетские корпуса давали лишь начальную военную подготовку и не имели права представлять своих воспитанников к производству в офицеры, поэтому «для окончания наук» их воспитанников переводили в расположенный в Петербурге Дворянский полк. Спустя три года Кулябко окончил обучение в Дворянском полку и был произведён в офицеры армейской кавалерии — что свидетельствует о достаточном состоянии его родителей. Службу в кавалерии могли себе позволить лишь обеспеченные дворяне, ибо недешёвые кавалерийские лошади и амуниция приобретались офицерами за свой счёт. Одной-единственной лошадью обойтись было не-

возможно, а надеяться купить хотя бы одну приличную верховую лошадь на офицерское жалованье было вещью несбыточной.

На службе в офицерских чинах Кулябко находился с 26 июня 1853 года (став корнетом кирасирского Военного ордена полка). 4 ноября 1854 года корнета перевели в Новороссийский кантонистский дивизион, который хотя и не принимал участия в боях с союзниками во время Крымской войны, но дислоцировался на территории, объявленной на военном положении. Поэтому после окончания кампании корнет Кулябко был награждён светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память Восточной войны 1853–1856». Корнет не имел боевого опыта, но очень рано приобрёл опыт административный: в своём невысоком чине он в течение продолжительного времени управлял волостью — административной частью уезда — и проживавшими там кантонистами и казёнными крестьянами.

К этому времени он уже женился на Анне Николаевне Панаевой, дочери генерал-майора. Это был брак по любви: у тестя-генерала было 13 детей, но не было состояния²¹. Рассчитывать на приданое не приходилось. Не приходилось питать надежду и на связи Николая Ивановича Панаева. Хотя тот и был товарищем детских игр великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), это обстоятельство никак не сказалось ни на карьере самого Панаева, ни на благосостоянии его семьи. И семья была прекрасно осведомлена о причинах многолетней царской немилости. Панаев, в те поры молодой инженерный подполковник, проявил мужество, хладнокровие, изобретательность и находчивость во время бунта военных поселений в 1831 году²². Но он же стал невольным свидетелем кратковременного смятения государя, лично явившегося к бунтовщикам. Первоначально император отказался принять хлеб-соль из рук поселенцев. Это вызвало недовольство толпы — и царь, справедливо опасаясь весьма вероятного кровавого эксцесса, уступил. «Николай никогда не прощал Панаеву то, что он видел его в минуту слабости, видел его побледневшим в соборе, когда начался глухой ропот. Панаев был свидетелем, как Николай, смешавшись, уступил и отломил кусок кренделя. Он не давал никакого хода человеку, который себя, в его смысле, вёл с таким героизмом. Панаев умер генерал-майором, занимая место коменданта, кажется, в Киеве»²³. Николай Иванович, в 34 года получивший чин полковника, затем в течение двух десятилетий ожидал производства в генералы. Многочисленное генеральское семейство имело достаточно веские основания сомневаться в справедливости утверждения «За Богом молитва, а за Царём служба — не пропадёт!» За неимением у

новобрачной приданого корнету Кулябко пришлось довольствоваться печальным жизненным опытом семейства Панаевых.

18 сентября 1856 года у молодой четы родилась дочь Антонина²⁴. 29 июля 1859-го корнета произвели в поручики, а 2 января 1861-го — в штабс-ротмистры. Обретя этот обер-офицерский чин, Николай Кулябко круто изменил траекторию своей жизни, благо обстоятельства времени и места этому способствовали. Началась эпоха Великих реформ. В Российской империи отменили крепостное право. «Распалась цепь великая...» Доходы даже состоятельных помещиков ощутимо сократились, и штабс-ротмистру впору было задуматься о будущем — своём собственном и своей семье. И Николай Александрович принял неординарное решение. 6 октября 1862 года он перевёлся в штат Санкт-Петербургской полиции с оставлением по армейской кавалерии. Две недели спустя штабс-ротмистра прикомандировали к 3-й Адмиралтейской части, и он начал осваивать азы службы в полиции, постепенно поднимаясь по административной лестнице и отнюдь не перескакивая через её ступеньки: вначале помощник, затем — старший помощник квартального надзирателя, наконец — квартальный надзиратель. Когда генерал-майор Трепов был назначен обер-полицмейстером, Кулябко уже успел приобрести необходимый опыт, что благотворно сказалось на его карьере. Трепов заметил расторопного и толкового офицера и стал продвигать его по службе. 5 ноября 1866 года штабс-ротмистр Кулябко был назначен приставом 2-го участка Рождественской части, а уже 19 февраля 1867 года за отличие по службе пожалован чином ротмистра. Последующие чины были даны ему также за отличие по службе. В майоры пристав Кулябко был произведён 17 апреля 1870 года, в подполковники — 27 июня 1875-го²⁵.

Можно предположить, что связи между академиком живописи Игоревым и майором Кулябко могли выходить за традиционные рамки взаимоотношений автора картины и заказчика. Дворянский род Кулябко, корни которого восходят к XVII веку, был внесён в VI часть родословных книг Полтавской и Саратовской губерний. Вот откуда у портретируемого офицера породистое лицо! Жизнь академика Игорева была тесно связана с Саратовом: в деревне под Саратовом он родился, в Саратове умер и был похоронен на кладбище Спасо-Преображенского мужского монастыря. Одна из сестёр художника, Мария, была замужем за Александром Егоровичем Лебедевым, а майор А. Е. Лебедев в 1874 году занимал важный пост начальника резерва столичной полиции. Живописец вспоминал: «Я не был женат, потому собственно, что поздно посвятил себя искусству, которое было в душе моей выше

всякой другой страсти, и потому, что имел на руках трёх сестёр девушек, не имевших отца, а потом лишившихся и матери. Всех сестёр я выдал замуж и сам остался старым, одиноким холостяком...»²⁶

Не исключено, что, устраивая замужество Марии, Лев Степанович и познакомился с малообщительным кругом офицеров полиции. Генерал-адъютант Трепов смог привлечь в столичную полицию деловых офицеров, ему удалось добиться для них достойного жалованья, но даже он не смог изменить отношение образованного общества и городских обывателей к полицейским чинам. Офицеры полиции не принадлежали к так называемому хорошему обществу. Если армейский офицер покидал полк, чтобы перейти на службу в полицию или корпус жандармов, то полковые товарищи никогда не устраивали в его честь прощальный обед и навсегда прекращали любые личные отношения с бывшим сослуживцем. «Полицейские чины в общество не приглашались. Даже сравнительно невзыскательный круг купцов Сенного рынка или жуликоватые торгаши Александровского рынка не звали в гости ни пристава, ни его помощников, а уж тем более околоточного. Если требовалось ублажить кого-нибудь из них, приглашали в ресторан или трактир, смотря по чину. Нередко за угощением «обдывались» темные дела, вплоть до сокрытия преступления»²⁷. Офицеры полиции представляли собой замкнутый мир. Вместе с Кулябко служил его младший брат Пётр (сначала помощник пристава, затем — пристав), в это же время в полиции Петербурга в штаб-офицерских чинах служили и другие братья: графы Михаил и Александр Нироды, Людомир и Владимир Бироны. Чтобы получить заказ на написание портрета офицера столичной полиции, надо было быть вхожим в этот узкий круг и этот замкнутый мир. Вот почему портрет участкового пристава майора Кулябко — это едва ли не единственное живописное изображение офицера столичной полиции за более чем двухсотлетний период её существования, а может быть, и единственный за всю историю русской живописи портрет полицейского офицера.

Портрет написан в конце осени 1874 года, когда пристав сделал важную рокировку и перешёл служить из одного участка Петербургской части в другой. Петербургская часть обнимала острова: Петербургский, Аптекарский, Каменный, Крестовский и Елагин²⁸. С 21 февраля 1873 года майор Кулябко был приставом 2-го участка Петербургской части (улица Большая Гребецкая, дом 28; за-

П. А. Столыпин и товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант П. Г. Курлов у дворца в Киеве до представления Николаю II делегаций 35 монархических организаций России.
30 августа 1911 г. РГАКФД.

дом 28; затем — Большая Гребецкая, 20–22). По первому адресу располагалось здание Дворянского полка, из которого некогда был выпущен офицером Кулябко и где его хорошо помнили. Рядом находилось юнкерское училище (Большая Гребецкая, 16). Участковый пристав постоянно сталкивался с офицерами, которые были выше его чином и по сложившейся традиции презрительно относились к полицейским чинам. 25 октября 1874 года майор стал приставом 4-го участка той же Петербургской части и получил казённую квартиру. Сначала она располагалась в здании участка (Большая Зеленина улица, 38), затем Николай Александрович улучшил свои жилищные условия и переехал на Крестовский остров, где стал жить на Петербургской улице. Судя по всему, это был небольшой уютный деревянный домик с садом на тихой и живописной окраине города. Восторжествовал принцип: лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме. Отныне майору Кулябко уже не нужно было вставать по стойке «смирно» перед каждым офицером выше его чином. Он стал полновластным властителем в своём участке. И портрет кисти академика живописи запечатлел для потомства эту новую реальность.

22 апреля 1876 года подполковник Кулябко был назначен приставом 2-го участка Александро-Невской части. Это был центр столицы. Квартира пристава располагалась на Лиговке, 97. Можно лишь гадать, как бы сложилась дальнейшая судьба Николая Александровича Кулябко, но выстрел Веры Засулич, прозвучавший во вторник 24 января 1878-го и направленный в градоначальника Трепова, сказался на карьере почти всех полицейских офицеров «треповского призыва». После того, как в пятницу 31 марта 1878 года суд присяжных оправдал террористку, оскорблённый градоначальник подал в отставку, которая была принята государем. Фёдор Фёдорович навсегда покинул Петербург, для которого он сделал так много, и поселился в Киеве. «Трепов ... был ранен пулей в левую сторону груди, и пуля по временам опускалась всё вниз, по направлению к мочево-му пузырю, через что Трепов, в особенности в последние годы, чувствовал сильнейшие боли»²⁹. А его ничтожный преемник, Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Александр Елпидифорович Зуров, умел лишь критиковать действия первого столичного градоначальника и в течение одного года выжил из полиции или сместил с должности почти всех профессионалов, бережно возвращённых Треповым.

30 августа 1879 года подполковник Кулябко был награждён орденом св. Станислава 2-й степени, пожалованным ему за

Орден св. Станислава 2-й степени с тёмной эмалью.

25 лет беспорочной службы в офицерских чинах. Это был его первый и, как оказалось, единственный орден. Думаю, что Николай Александрович был весьма раздосадован, когда получил эту награду. Все без исключения генералы и офицеры военно-сухопутного ведомства, прослужившие беспорочно четверть века, «кои служили не менее одной кампании против неприятеля и были, по крайней мере, в одном сражении»³⁰, награждались орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и надписью «25 лет». Подполковник Кулябко в сражениях не участвовал, поэтому вместо этого ордена получил «Станислава на шею» — награду менее престижную и на две ступени ниже «Владимира с бантом». Теперь неучастие солидного пристава в походах и боях против неприятеля становилось очевидным для каждого, кто разбирался в семантике российских знаков отличия. Но главные напасти были впереди. 1 декабря 1879-го подполковник Кулябко был отчислен от должности пристава. Нового назначения ему не предложили, и 10 декабря того же года он был отчислен от штата Санкт-Петербургской полиции с оставлением по армейской кавалерии. У Николая Александровича было семеро детей — пять дочерей и двое малолетних сыновей, причём лишь старшая дочь Антонина была уже замужем. Надо было подумать об их будущем. Подполковник покинул столицу и отправился в Костромскую губернию, где пошёл на понижение. С большим трудом получив назначение в провинции, с весны 1880-го Кулябко был вынужден довольствоваться постом исполняющего должность Юрьевоцкого уездного исправника. О «расшитом и красивом» мундире пришлось

забыть навсегда. Исправник — это начальник уездной полиции. О том, как низко котировался этот пост и из каких офицеров рекрутировались исправники, поведал Александр Иванович Куприн в рассказе «Тень Наполеона»: «Житейский лист его был очень ординарен. Гвардейская кавалерия. Долги. Армейская кавалерия. Карты. Таможенная стража. Скандал. Жандармский корпус. Провалился на экзамене. Последний этап — уездный исправник»³¹.

Теперь лишь портрет кисти Игорева изредка напоминал Николаю Александровичу о былом великолепии. 27 февраля 1881 года исправника произвели в полковники и уволили в отставку без мундира³². Спустя два дня, 1 марта 1881-го, бомбой народовольцев был убит Александр II. Ни генерала от кавалерии Трепова, ни полковника Кулябко в этот день в столице не было.

И ВЫ, МУНДИРЫ ГОЛУБЫЕ

Однако это ещё не конец моего повествования. Уравнение с тремя неизвестными было решено, загадка портрета неизвестного офицера — разгадана. Казалось, чего же боле?! Тем не менее моё расследование продолжалось. Временами я ощущал себя не историком, а сыщиком, стремящимся узнать о Николае Александровиче Кулябко как можно больше и установить все его связи. Воспользуюсь удачным выражением Юрия Валентиновича Трифонова и скажу, что мне хотелось «дочерпать» сюжет до конца. Фамилия запечатлённого на портрете офицера была мне хорошо знакома. Эту фамилию носили несколько второстепенных участников русского освободительного движения, скорее всего, состоявших в отдалённом родстве со столичным приставом. И это отдалённое родство, эти компрометирующие полицейского офицера родственные связи с народниками могли роковым образом сказаться на его карьере.

Андрей Павлович Кулябко, дворянин Саратовской губернии, участник «хождения в народ». Он был арестован 31 мая 1874 года в Саратове в мастерской сапожного мастера Иоганна Пельконена и дал откровенные показания, раскрывшие деятельность этой мастерской. В мастерской находился склад революционных изданий и паспортное бюро; сама мастерская должна была служить центральным пунктом для пропагандистов Поволжья. Свидетель по «процессу 193-х» или «Большому процессу» (официальное название — «Дело о пропаганде в империи»). Это судебное дело революционеров-народников разбиралось в Санкт-Петербурге в Особом присутствии Правительствующего Сената с 18 октября 1877-го по 23 января 1878 года.

К суду были привлечены участники «хождения в народ», арестованные за революционную пропаганду с 1873-го по 1877 год.

Алексей Павлович Кулябко, дворянин Саратовской губернии. В 1874 году вошёл в пензенский революционный кружок молодёжи. Привлекался к дознанию по «Делу о пропаганде в империи». По высочайшему повелению в феврале 1876 года дело о нём было разрешено в административном порядке с установлением негласного надзора.

Анна Николаевна Кулябко (по мужу Телякова), дворянка Полтавской губернии. Дознанием по делу о расклейке прокламаций в апреле 1879 года в Кишинёве выяснилась её принадлежность к революционному кружку. На её (совместно с дочерью священника Пелагеей Патруевой) квартире происходили собрания кишинёвского кружка. По распоряжению одесского генерал-губернатора в июне 1879 года она была выслана в Восточную Сибирь и водворена в Енисейске. Постановлением Особого совещания 12 апреля 1882 года освобождена от надзора.

Николай Григорьевич Кулябко-Корецкий, дворянин Полтавской губернии. В начале 1870-х принимал участие в киевском революционном кружке. Осенью 1875 года жил в Кишинёве и занимался транспортировкой запрещённых книг в Россию. В том же году был привлечён к дознанию по обвинению в перевозе из-за границы двух тюков с 4062 экземплярами газеты «Работник». Скрылся за границу. За границей был близок к одному из идеологов народничества Петру Лавровичу Лаврову и редактировал журнал «Вперёд». Вернулся в Россию, 17 мая 1879 года был арестован в Тифлисе и привлечён к дознанию по кишинёвскому делу 1875-го. По высочайшему повелению 2 июня 1880 года дело о нём было разрешено в административном порядке с вменением в наказание предварительного содержания под стражей и с подчинением особому надзору полиции на пять лет. Впоследствии писал статьи по экономическим вопросам; был статистиком в Полтаве; состоял секретарем Вольного экономического общества.

Итак, через несколько месяцев после выстрела Веры Засулич были арестованы и привлечены к дознанию два представителя полтавской ветви рода Кулябко. К этой же ветви принадлежал, как мы помним, и сам Николай Александрович. Не исключено, что именно это обстоятельство и послужило формальным поводом для его удаления из штата Санкт-Петербургской полиции. Пристав Кулябко был человеком генерал-адъютанта Трепова, и новый столичный градоначальник генерал-майор Зуров, непрестанно критикующий действия своего предшественника, мог воспользоваться любым предлогом, чтобы избавиться от поли-

цейского офицера «треповского призыва». А в этом конкретном случае, особенно учитывая непрекращавшуюся охоту «Народной воли» на императора, основание для увольнения выглядело весьма убедительно.

Однако самое интересное открытие ожидало меня впереди.

В трагической смерти Петра Аркадьевича Столыпина, в смерти, ставшей «точкой невозврата» в истории государства Российского, приведшей страну к катастрофе 1917 года, весьма двусмысленную роль сыграли четыре человека. Иногда их называют «великолепной четвёркой», иногда — «бандой четырёх». Перечислим их поимённо. Генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир отдельного корпуса жандармов. Статский советник и камер-юнкер Митрофан Николаевич Веригин, вице-директор департамента полиции. Полковник отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович, начальник дворцовой охранной агентуры. Подполковник отдельного корпуса жандармов Николай Николаевич Кулябко, начальник Киевского охранного отделения. Трое из перечисленных носили «расшитый и красивый», украшенный серебряным аксельбантом голубой жандармский мундир. Четвёртый член «великолепной четвёрки» был старшим сыном пристава Санкт-Петербургской полиции, запечатлённого кистью академика живописи Игорева.

Николай Николаевич стяжал лавры Герострата: приобрёл постыдную известность и попал в историю. Он родился 23 мая 1873 года в Петербурге и был шестым ребёнком в семье, окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и Павловское военное училище. Прослужив в полку всего-навсего три с половиной года, пошёл по стопам отца. В 1897-м стал помощником пристава Московской полиции, с 1903 года весьма успешно занимался политическим сыском и заслужил орден св. Владимира 4-й степени — весьма почётную награду, которой не было у его отца. В октябре 1906-го стал начальником Киевского охранного отделения и дослужился до чина подполковника отдельного корпуса жандармов. Дмитрий Григорьевич Богров, убийца Петра Аркадьевича Столыпина, был его секретным сотрудником. Именно подполковник Кулябко выдал Богрову именной билет на торжественный спектакль в Киевском городском театре, где 1 сентября 1911 года злоумышленник беспрепятственно приблизился к председателю Совета министров и двумя выстрелами в упор смертельно ранил Столыпина. Причины гибели «русского Бисмарка» до сих пор вызывают жаркие споры в среде исследователей. Одна из версий гласит, что убийство Столыпина — это результат заго-

вора «голубых мундиров», дело рук высших полицейских чинов, к числу которых принадлежал и подполковник Кулябко. В 1911 году исполнилось полвека со времени отмены крепостного права. Киев готовился к приезду царской семьи и торжественному открытию памятника Александру II Освободителю. По агентурным каналам поступила информация, что в Киеве может быть совершён теракт. «Складывается впечатление, что в предпраздничной суматохе Киевскому охранному отделению было недосуг заниматься анализом поступающей информации. Всё их рвение было направлено на подготовку торжеств... Далеко не последнюю роль играли, в частности, карьерные устремления наших «героев». Один из чиновников департамента полиции М. М. Прозоровский в своих показаниях говорит о том, что Веригин давно вёл себя вызывающе и всем показывал, что он почти директор департамента, Курлов мечтал о должности министра внутренних дел, Спиридович — о должности градоначальника, а Кулябко — о службе в дворцовом ведомстве»³³.

Последнему было шесть лет, когда семья поспешно покинула столицу, и немногим менее восьми — в момент унижительной отставки отца. Полагаю, что эти драматические события роковым образом повлияли на формирование характера жандармского подполковника. Генетическая память о не сделавшем карьеру деде-генерале была усилена детскими воспоминаниями о крахе отцовской карьеры. Если же верны мои предположения о том, что крах карьеры отца-пристава был предопределён родственными связями с участниками революционного движения, то у Николая Николаевича был ещё один личный мотив посвятить свою жизнь борьбе со «смутьянами». И он решил любой ценой переломить неблагоприятную ситуацию. У Кулябко не было никакого движимого или недвижимого имущества, но было трое детей — дочь и два сына, старший сын воспитывался в кадетском корпусе. Приходилось изворачиваться. Ходили слухи, что «у Кулябки не совсем благополучно с деньгами»³⁴. Впоследствии слухи подтвердились. Выяснилось, что подполковник, чтобы отчитаться перед Петербургом в расходовании отпущенных ему экстренных сумм, дважды сдал в департамент полиции 18 раздаточных ведомостей с расписками филёров в получении суточных денег, всего на 8047 рублей 59 копеек. Агенты расписались дважды, но деньги получили только один раз³⁵. Однако вина подполковника не ограничилась растратой казённых денег.

Его подчинённый, подполковник Михаил Яковлевич Белевцов, показал, что Кулябко «не углублялся в дела отделения, всегда имел вид торопящегося человека и, большей частью, был занят разъездами по на-

чальствующим лицам»³⁶. Николай Николаевич страстно мечтал сделать качественный скачок по служебной лестнице, перепрыгнув через несколько ступенек. Он предавался мечтаниям о грядущей карьере и не уделял должного внимания каждодневной рутине, без которой нельзя представить себе деятельность начальника охранки; стремился «воспарить» — и забывал о мелочах.

Директор департамента полиции, сенатор и тайный советник Нил Петрович Зуев пришёл к выводу, что «положение дел в Киевском охранном отделении едва ли, с внешней стороны, представлялось безукоризненным»³⁷. Директор департамента объяснял это тем, что «подполковник Кулябко, по-видимому, стремился несколько расширить свою компетенцию и принял на себя, выходящее из круга его прямых обязанностей — политического розыска, наблюдение за политикой в крае, в широком смысле этого слова (польское движение, военная разведка и пр.)»³⁸. Иными словами, честолюбивому подполковнику, женатому на сестре жандармского полковника Спиридовича, заведующего дворцовой охранной агентурой, было слишком тесно в Киеве, хотел перебраться в столицу. Недоброжелатели утверждали, что своей быстрой карьерой Кулябко был обязан шурина Спиридовичу. (Они познакомились ещё во время учёбы в кадетском корпусе, затем вместе учились в Павловском военном училище. Впоследствии два «павлона» совместно служили в Киевском охранном отделении. Спиридович был начальником Киевской охранки, Кулябко — его помощником.)

Наиболее подробно эту версию изложил в своих воспоминаниях жандармский офицер Александр Павлович Мартынов. «В Киеве в это время руководил политическим розыском некий, в то время жандармский подполковник, недоброй памяти Н. Н. Кулябко. История его службы вкратце такова. Когда я, ещё в бытность мою офицером Московского жандармского дивизиона, бывал по службе в так называемых «нарядах» то в императорских театрах, то на бегах и на скачках, моим партнёром со стороны общей полиции в тех же нарядах иногда бывал и помощник пристава Тверской части Московского градоначальства Кулябко, высокого роста, довольно красивый подпоручик, очень худой, несколько болезненного вида, очень скромный, вежливый и очень, очень тихий. Я его знал мало, но его товарищи по службе определяли его как человека недалёкого. Перейдя на службу из Москвы в Петербург, я временно потерял Кулябко из вида. Когда же через несколько лет, уже в Саратове, я узнал о переводе в Отдельный корпус жандармов поручика Кулябко, то я знал, что этот служебный перевод достигнут только тем, что Кулябко был в свойстве с из-

вестным А. И. Спиридовичем. Необычайно быстро Кулябко получил должность начальника Киевского охранного отделения, ничем как будто не проявив себя до того на службе в Отдельном корпусе жандармов. Мне пришлось мельком, кажется, в 1909 или 1910 году, встретиться с ним в стенах Департамента полиции во время одного из моих наездов в Петербург из Саратова. Кулябко тогда был почему-то в мундире чиновника Министерства внутренних дел. Внешне мало изменившись, он сильно изменился в манере держать себя. Теперь он держался в высшей степени уверенно и довольно небрежно поздоровался со мной. Держал себя как бы уже наметившимся кандидатом на какой-то высший пост по нашему ведомству. Он и получил бы его, не случись трагедии в Киеве. У Кулябко была, как говорится, «рука» наверху. «Рукой» этой был его свойственник А. И. Спиридович»³⁹.

Сам Спиридович это отрицал: «Я никакого воздействия на движение по службе подполковника Кулябки ни на кого не оказывал; он сам пробивал себе дорогу и самоличным трудом добился всех пожалованных ему наград и повышений»⁴⁰.

Киевский губернатор Алексей Фёдорович Гирс дал нелицеприятную характеристику начальнику киевской охранки: «На меня лично подполковник Кулябко всегда производил впечатление человека несерьёзного, легкомысленного, который любил во всё вмешиваться и всем распоряжаться ради желаний выдвинуть себя и подчеркнуть свою деятельность, а вовсе не ради интересов дела. С тем же впечатлением о его деятельности я остался и после августовских торжеств, печально завершившихся злодейским делом убийства председателя Совета министров. Кулябко во всех распоряжениях администрации принимал видное участие, распоряжался народной охраной, ездил по городу и даже вмешивался в деятельность наружной полиции, что ему не было предоставлено, а всецело вверено полицмейстеру. Тем не менее его слушались по традиции и даже побаивались, как человека властного и высокомерного. ... К характеристике подполковника Кулябко могу добавить, что он был зазнавшийся человек, хотя и не без известной доли опыта и знания своего дела. С полицией он обращался чрезвычайно высокомерно и даже в сношениях со мной не всегда был корректен, допуская в официальных бумагах тон, неуместный в сношениях с губернатором. Не любили его и товарищи-сослуживцы, считая его человеком поверхностным в деле и грубым в личных отношениях»⁴¹.

Дмитрий Богров хорошо знал своего «куратора» Кулябко, прекрасно изучил все его слабые стороны и, по словам Владимира Григорьевича Богрова, брата злоумышленника,

всегда отзывался о подполковнике «как о весьма легкомысленном и поверхностном человеке»⁴². Богров всё очень точно рассчитал и, сделав ставку на это легкомыслие, легко переиграл Кулябко и его прямых начальников. Он убедил подполковника в том, что в Киев якобы прибыли террористы, собирающиеся совершить покушение на Столыпина и министра народного просвещения Кассо. Это была самая настоящая мистификация: террористы существовали лишь в воображении Богрова. Соблазн схватить мифических злоумышленников с поличным был столь велик, а желание отличиться до такой степени сильным, что Кулябко, вопреки секретным инструкциям, выдал Богрову билет на торжественный спектакль в Киевском театре, где и прозвучали роковые выстрелы. Так в одной точке пространства и времени случайно пересеклись честолюбивые замыслы жандармского подполковника, дьявольский замысел Дмитрия Богрова, граничащее с преступлением попустительство высших жандармских чинов, неприязненно относившихся к Столыпину и считавших его выскочкой, — и эта историческая случайность привела к гибели «русского Бисмарка».

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТОРА

Перед нами прошли три поколения одной дворянской семьи, три поколения служилого дворянства. Генерал-майора Панаева в течение двух десятилетий затирали и «не давали ходу» по службе: он не сделал той блестящей карьеры, на которую мог рассчитывать. Однако старый служака и ветеран Отечественной войны 1812 года, участник Бородинской битвы и взятия Парижа, не испытывал по этому поводу никаких сожалений и никогда не жаловался на судьбу. Более того, «до конца дней он оставался усердным, толковым командиром и, по свидетельствам современников, имел обыкновение поднимать за обедом тост за гибель всех врагов государя и отечества, басурманов и смутьянов»⁴³. На несправедливость судьбы стали сетовать его дети, которым отец не сумел оставить никакого состояния.

22 января 1878 года Мария Николаевна Панаева, старшая дочь покойного генерал-майора, отправила военному министру Милютину пространное письмо. Это было прошение об увеличении пенсии. 3 февраля 1855 года, за две недели до собственной кончины, Николай I вспомнил о товарище своих детских игр и подписал приказ о назначении генерал-майора Панаева исполняющим должность коменданта города Киева и Киево-Печерской цитадели. Слишком поздно! Генерал пережил государя лишь на несколько месяцев. 21 ноября 1855-го старый служака скончался на своём посту, и в прошении дочери содержится выразитель-

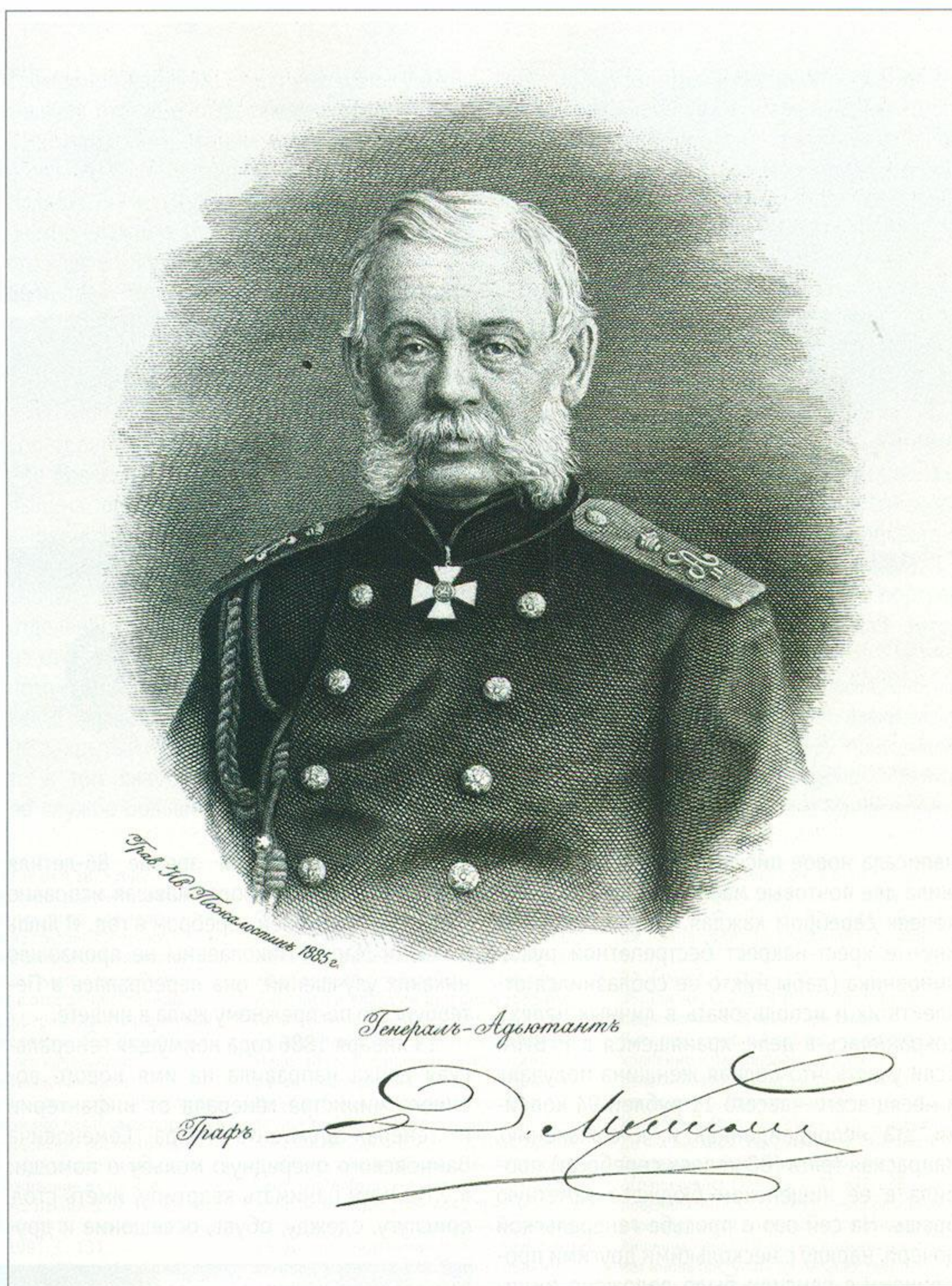
Генерал-адъютант Д. А. Милютин.

Гравюра академика И. П. Пожалостина. 1885 г.

ная подробность: «самая смерть постигла за подписыванием бумаг»⁴⁴. Судя по всему, Панаев предчувствовал скорую кончину и спешил успокоить жену и детей относительно их будущего: «умирая, утешал нас, что Государь Император и его честно выслуженная пенсия обеспечат нас от нищеты»⁴⁵. Как же он заблуждался!

Генеральская пенсия была распределена следующим образом: одна её половина, а именно 430 рублей серебром год, досталась вдове; другая половина была в равных долях распределена между тремя генеральскими детьми. Малолетнему сыну Павлу, не достигшей совершеннолетия дочери Екатерине и, в качестве особой монаршей милости, старшей дочери Марии досталось по 143 рубля 33 копейки в год. Мария Николаевна Панаева родилась 10 июня 1819 года. Великий князь Николай Павлович, будущий император, был её приемником от купели. Это была августейшая милость, явленная толковому офицеру капитану Панаеву. Крестница императора Николая окончила Екатерининский институт и получила диплом, дающий право преподавать в женских учебных заведениях. В течение 22-х лет генеральская дочка содержала себя своим собственным трудом: была домашней учительницей, классной дамой и начальницей училища для девиц. Наступила старость, а с ней — неизбежные болезни, и 1/6 часть генеральской пенсии не могла избавить Марию Николаевну от нищеты. Чтобы сократить расходы, Панаева обосновалась в уездном городе Боровичи Новгородской губернии и сняла квартиру по улице Пинской, в доме Вишнякова. Этот выбор вряд ли был случаен. Согласно послужному списку генерала Панаева, в Боровичском уезде Новгородской губернии у Панаева было небольшое благоприобретённое имение — сельцо Остров и 30 душ крепостных крестьян. «Получая по 11 руб. 94 коп. в месяц, я не в состоянии нанять себе порядочной квартиры, даже в уездном городе, дрова и все жизненные потребности увеличились вдвое, так что я не в силах иметь тёплую одежду, не в состоянии даже содержать прислугу или пользоваться советами врача, так крайне мне необходимыми, не имея ниоткуда помощи, я вошла в долги, за неуплату которых потеряла последний кредит»⁴⁶.

Этот вопль о помощи, адресованный военному министру Милютину, поступил в Главный штаб Военного министерства в пятницу 27 января 1878 года и был подшит к делу. Судя по всему, министру о письме даже не доложили. В эту неделю в Петербурге кипели страсти, и чиновным особам было не до впавшей в нищету генеральской дочери, кстати, даже не упомянувшей о том,

что её крестным отцом был император Николай. Как мы помним, во вторник 24 января Вера Засулич стреляла в генерал-адъютанта Трепова. Ещё не была завершена Русско-турецкая война 1877–1878 годов, было подписано лишь перемирие, победоносные успехи кампании не были закреплены и подтверждены за столом дипломатических переговоров, а в мире уже вновь запахло порохом. Российской империи угрожала большая европейская война. На семейном обеде в Зимнем дворце 29 января 1878-го члены Императорской фамилии, по словам великого князя, Константина Николаевича, «много говорили о мерзости англичан, выбравших теперешнюю минуту, чтобы послать флот в Босфор»⁴⁷. Финансы страны были расстроены войной с Турцией: ежедневный расход на армию составил астрономическую цифру — 1,5 млн рублей⁴⁸. Дмитрий Милютин был вынужден считать каждую копейку в бюджете Военного министерства и экономить на всём,

нередко прибегая к непопулярным, как бы мы сейчас сказали, мерам. Современники, к числу которых относился и генерал от инфантерии Павел Дмитриевич Зотов, обвиняли Дмитрия Алексеевича в скаредности. «К этой же категории необъяснимо скаредных явлений нужно отнести два приказа по военному ведомству: о прекращении квартирных денег вдовам убитых офицеров, через 3 месяца со дня выключки последних из списков, и о выдаче квартирных денег семействам офицеров по прежним чинам их мужей, ежели бы последние в течение войны и были повышены в чинах. Ну как не совестно нашему военному министру выставлять себя так в глазах целого света?»⁴⁹

Чиновники Военного министерства, положившие под сукно письмо Марии Панаевой, предвидели негативную реакцию министра на её просьбу об увеличении пенсии, поэтому даже не стали докладывать ему о письме. Спустя несколько месяцев Панаева

В. М. Васнецов. С квартиры на квартиру.

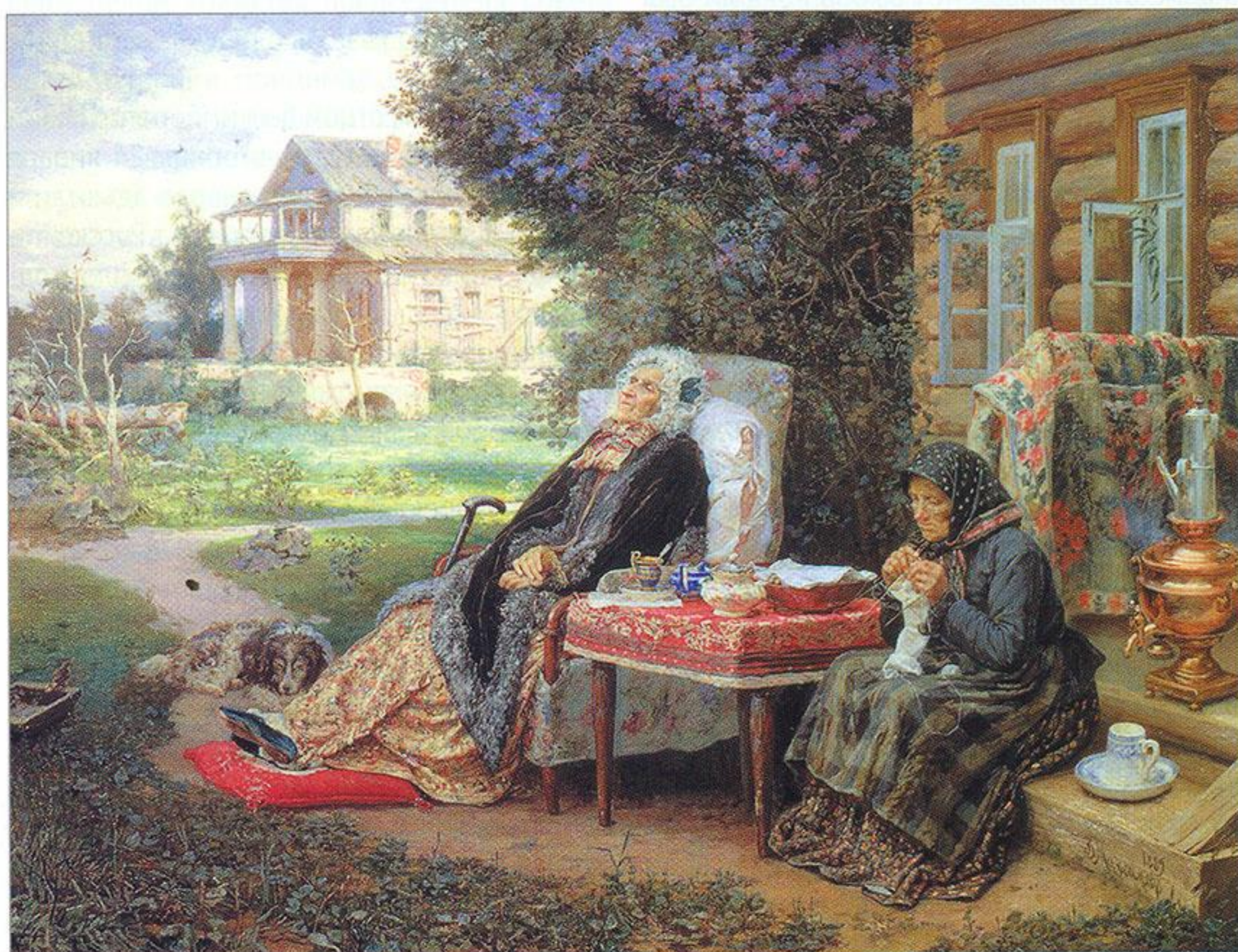
написала новое письмо, к которому приложила две почтовые марки для ответа, по 40 копеек серебром каждая. Марки, перечёркнутые крест-накрест бестрепетной рукой чиновника (дабы никто не соблазнился отклеить их и использовать в личных целях), сохранились в деле, хранящемся в РГВИА. Если учесть, что бедная женщина получала в месяц всего-навсего 11 рублей 94 копейки, эта непредвиденная и, к сожалению, напрасная трата (80 копеек серебром) пробила в её нищенском бюджете заметную брешь. На сей раз о просьбе генеральской дочери, наряду с несколькими другими прошениями о пенсиях, было доложено министру. Ответ генерала от инфантерии и генерал-адъютанта Милютина был категоричен. Военный министр «не признал возможным повергнуть на высочайшее воззрение ходатайства о назначении добавочных пенсий»⁵⁰. 10 июля 1878 года всем просителям было официально отказано.

Прошло несколько лет. На престол взошёл Александр III. Дмитрий Алексеевич был возведён в графское достоинство, получил несколько высочайших наград и вышел в отставку. Экс-министр граф Милютин прочно обосновался в своём крымском имении Симеиз, работал над воспоминаниями, справедливо полагая, что они будут востребованы будущим историком. Скончался Павел Панаев, избавив казначейство от необходимости выплачивать ему 1/6 часть генеральской пенсии. Вышла замуж Екатерина Панаева, потеряв тем самым право на свою часть отцовской пенсии. В её семье жила почти

полностью потерявшая зрение 86-летняя вдова-генеральша, продолжавшая исправно получать 430 рублей серебром в год. И лишь в жизни Марии Николаевны не произошло никаких улучшений: она перебралась в Петербург, но по-прежнему жила в нищете.

13 января 1886 года неимущая генеральская дочка направила на имя нового военного министра генерала от инфантерии и генерал-адъютанта Петра Семёновича Ванновского очередную мольбу о помощи: «...Не могу нанимать квартиру, иметь стол, прислугу, одежду, обувь, освещение и дру-

гие необходимые предметы для жизни, я принуждена была просить в долг, ибо другим способом просить я не желала, дабы не унижить честь и достоинство заслуженного генерала, я обременена долгами, потеряла кредит и жить мне нет возможности»⁵¹. Мария Николаевна просила сущие пустяки: добавить к её пенсии 286 рублей 66 копеек в год, то есть ту часть отцовской пенсии, которая освободилась после смерти брата и замужества сестры. Пожилая женщина изложила свои резоны: для казны её просьба не представит дополнительных издержек, ибо генерал честно заслужил свою пенсию, и она, его старшая дочь, не просит ничего сверх того, что положено по закону. Министр Ванновский распорядился снести с Министерством финансов и выяснить его мнение по поводу этой просьбы. Министерство финансов ответило отказом: Панаевой уже была оказана высочайшая милость при назначении пенсии, не полагавшейся ей по закону, поэтому просить государя о новой милости нет оснований. Ход деловых бумаг был неспешен. Лишь 25 августа 1886 года из Военного министерства на имя Марии Николаевны был направлен официальный отказ в её просьбе, на следующий день доставленный по адресу: 3-я рота Измайловского полка, дом 7, квартира 27, где Панаева снимала угол. На оборотной стороне конверта с официальной бумагой была сделана надпись: «Вышеозначенная особа померла три месяца тому назад. 26 августа 1886 года». Какая горькая ирония истории! Это был день 74-й годовщины Бородинского сражения, участником которого был восемнадцатилетний

В. М. Максимов. Всё в прошлом.

артиллерии прапорщик Панаев, заслуживший в этой битве свою первую награду — Аннинскую шпагу. Дочь героя Бородинской битвы умерла в Мариинской больнице для бедных. После её смерти не осталось ничего, сохранился лишь один официальный документ — «Вид для свободного проживания» на территории Российской империи за № 13 444, который в установленном порядке был 31 августа 1886 года препровождён в Инспекторский департамент Военного министерства и подшит к делу.

Зять генерала Панаева Николай Кулябко учёл опыт тестя и в молодых годах сменил мундир кавалерийского офицера на мундир офицера столичной полиции. Эта «перемена декораций» позволила ему получить хорошее место в столичной полиции и добиться относительной материальной независимости. Но после 25 лет беспорочной службы в офицерских чинах без каких-либо видимых причин он был фактически выброшен со службы и оставлен без куска хлеба. Мне ничего не известно о том, как бывший полицейский пристав воспринял крах своей

служебной карьеры. Очевидно одно: унижительная отставка отца так или иначе сказалась на формировании системы ценностей его сына. И дед, и отец Николая Николаевича Кулябко были профессионалами своего дела, честно служили этому делу, пытались сделать его как можно лучше. Именно в этом они видели долг офицера. Они до конца выполнили свой долг. Николай Николаевич сознательно избрал иную жизненную стратегию. Он стал ориентироваться не на дело или долг, а на карьеру. Для него важны были только собственные амбиции. И его двусмысленное поведение накануне покушения на Столыпина объясняется не только желанием выдвинуться, но и той обидой, той незарубцевавшейся раной, которая была нанесена сначала деду, а затем отцу. У подполковника отдельного корпуса жандармов Кулябко, сына отставного полковника, внука генерала и потомка дворянского рода, известного с XVII века, был особый счёт — сугубо личный и не закрытый — если не к Дому Романовых, то к тем счастливым, которые преуспели по службе больше него, к числу которых он

относил и Столыпина. Великий князь Александр Михайлович уже после падения самодержавия пронзительно заметил: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах»⁵².

Вот какую историю поведал мне портрет неизвестного офицера из «Русской антикварной галереи».

Автор выражает сердечную признательность за помощь в работе Сергею Алексевичу Попову, Ольге Васильевне и Петру Николаевичу Базановым, а так же сотрудникам РГВИА и лично Татьяне Юрьевне Бурмистровой

Примечания

1. Медаль имела два варианта: светло-бронзовый и тёмно-бронзовый, кроме того, имелась градация по типу ленты для ношения. Светло-бронзовая медаль могла носиться на Георгиевской, Андреевской или Владимирской лентах. Тёмно-бронзовую медаль носили на Владимирской или Аннинской лентах. Медалями из светлой бронзы награждались военные и непосредственные участники боёв, медалями из тёмной бронзы — гражданские чиновники, служившие в губерниях, переведённых на военное положение, и благотворители. Отчеканено было всего около 1,7 млн медалей в светлой и тёмной бронзе, в том числе 430 000 на Екатеринбургском монетном дворе.

2. Экштут С. Слуга царю, отец солдатам...// Родина. 2014. № 1. С. 98–106.

3. Давыдов Д. В. Современная песня// Давыдов Д. В. Стихотворения. Л. 1984. С. 116.

4. Чехов А. П. Лев и Солнце//Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. Т. 6. М. 1976. С. 395.

5. Толстой Л. Н. Отец Сергей//Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т. Т. 12. М. 1964. С. 370.

6. Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л. 1980. С. 359.

7. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени//Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М. 1984. С. 63.

8. Грибоедов А. С. Горе от ума. М. 1987. С. 49.

9. [Высоцкий И. П.] Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. Краткий исторический очерк. СПб. 1903. С. 225. В результате реформы столичной полиции, проведённой в 1866–1867 гг. по инициативе Ф. Ф. Трепова, территория Санкт-Петербурга была поделена на 38 полицейских участков (плюс 4 загородных участка). Эти участки стали первичными административно-полицейскими единицами, пришедшими на смену прежним 58 полицейским кварталам. Деление города на 12 полицейских частей сохранилось. Квартальные надзиратели были переименованы в участковых приставов, а управления кварталов преобразованы в управления полицейских участков. Полицейские участки делились на 93 околотка, околотки — на полицейские посты (их число достигало

705). С образованием в 1873 году Санкт-Петербургского градоначальства столица в пределах городской черты была выделена из состава губернии, и генерал Трепов стал первым в истории Санкт-Петербурга градоначальником. Градоначальник в отношении столицы получил права губернатора, сохранив при этом за собой ключевую пост главного и непосредственного начальника Санкт-Петербургской полиции. Одновременно возросла власть приставов: к их ведению, помимо надзора за порядком и проверки полицейских постов, были отнесены сыск лиц и имущества, выдача отсрочек на проживание в столице.

10. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л. 1991. С. 131.

11. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1863–1864/Под ред. Л. Г. Захаровой. М. 2003. С. 304.

12. Там же. С. 307.

13. Там же. С. 309.

14. Там же. С. 398.

15. Там же.

16. [Высоцкий И. П.] Указ. соч. С. 178.

17. Цит. по: Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 247.

18. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1892 года. СПб. 1892. С. 179; Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1905 года. СПб. 1905. С. 1407; Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1909 года. Ч. III. СПб. 1909. С. 79.

19. Список майорам по старшинству. СПб. 1874; Список майорам по старшинству. СПб. 1875.

20. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 1855. Л. 4–7.

21. Эйдеман Н. Я. Не было — было// Эйдеман Н. Я. Обречённый отряд. М. 1987. С. 354–358; Он же. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М. 1984. С. 171–179, 181.

22. В 1858 г. в Лондоне в 16-м, 17-м и 18-м номерах «Колокола» были опубликованы воспоминания генерала Панаева «Новгородское возмущение в 1831». Натан Яковлевич Эйдеман высказал обоснованное предположение, что неподцензурные генеральские мемуары передат в Лондон историк Михаил

Иванович Семевский. Но как эти записки попали к самому историку? Ответ очевиден. Семевский учился в Полоцком кадетском корпусе, откуда «для окончания наук» был переведён в Дворянский полк, где обучался вместе с братьями Кулябко — старшим Николаем и младшим Петром. В 1855 году Пётр Кулябко и Михаил Семевский были одновременно произведены в офицеры, Николай стал офицером двумя годами ранее. Благодаря знакомству с братьями Кулябко Семевский получил доступ к запискам тестя старшего брата, снял копию и передал её Герцену. И так, братья Кулябко, ставшие впоследствии приставами Санкт-Петербургской полиции, фактически помогли «государственному преступнику», и Герцен получил неподцензурную рукопись.

23. Цит. по: Эйдеман Н. Я. Герцен против самодержавия. С. 175. Этими словами заканчивается публикация мемуаров Панаева в «Колоколе» № 18 от 1 июля 1858 года. Эйдеман считал, что это издательское послесловие было написано М. И. Семевским.

24. Анна Николаевна Кулябко выйдет замуж за капитана лейб-гвардии Конной артиллерии Клавдия Егоровича Кабалева, впоследствии генерал-лейтенанта и начальника Луганского патронного завода. Известный советский композитор, пианист, дирижёр и педагог Дмитрий Борисович Кабалецкий, народный артист СССР и Герой Социалистического Труда, был внуком Анны Николаевны и Клавдия Егоровича Кабалева, правнуком пристава Кулябко и праправнуком генерал-майора Панаева.

25. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 1855. Л. 4–7.

26. Игорев Л. С. Воспоминания// Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов. 1893. С. 372.

27. Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 132.

28. Новый путеводитель по Санкт-Петербургу и его окрестностям. СПб. 1875. С. 4.

29. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма//За кулисами политики. 1848–1814. М. 2001. С. 362.

30. Свод законов Российской империи. Учреждение орденов и других знаков отличия. Издание кодификационного отдела при Государственном совете. СПб. 1892. С. 78.

31. Куприн А. И. Тень Наполеона//

Куприн А. И. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 5. М. 1958. С. 720.

32. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 1855. Л. 4–7.

33. Тайна убийства Столыпина. М. 2003. С. 9, 41.

34. Там же. С. 259.

35. Там же. С. 276. В 1912 г. отставной подполковник Кулябко приговором Киевской судебной палаты «за небрежное хранение и расходование казённых денег» был приговорён к 16-месячному заключению. Однако по распоряжению Николая II срок наказания был сокращён до 4-х месяцев содержания на гауптвахте. Гауптвахтой наказание Кулябко не ограничилось (Там же. С. 21, 637, 638). Царь повелел считать отставного подполковника отрешённым от должности, что означало лишение пенсии и запрет в течение пяти лет вновь поступать на государственную службу. После отрешения от должности Кулябко остался жить в Киеве, где занимался продажей швейных машинок.

36. Там же. С. 429–430.

37. Там же. С. 460.

38. Там же. С. 461.

39. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов//«Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска//http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kulyabko_nn.html

40. Тайна убийства Столыпина. С. 486.

41. Там же. С. 117, 120.

42. Там же. С. 620.

43. Эйдеман Н. Я. Герцен против самодержавия. С. 176.

44. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 4927. Л. 16 об. (Дело Главного штаба Военного министерства по прошению дочери генерал-майора Панаева о пенсии.)

45. Там же. Л. 1 об.

46. Там же. Л. 1–1 об.

47. Цит. по: Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1876–1878/Под ред. Л. Г. Захаровой. М. 2009. С. 575 (примечания).

48. Зотов П. Д. Дневник//Русский орёл на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами её участников. Записки и воспоминания. М. 2001. С. 121.

49. Там же. С. 120.

50. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 4927. Л. 11.

51. Там же. Л. 16 об.

52. Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М. 1991. С. 162–163.